

Сказка для Степана

16+

Наталья Дёмина

Сказка деда Степана

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дёмина Н. Н.

Сказка деда Степана / Н. Н. Дёмина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Дед Степан рассказывает своим внукам о былом, может это его выдумка, а может и было. О любви двух молодых людей в давние времена, которые, возможно, были его и их предками. Трудности, приключения, разлуки помогут главным героям обрести счастье.

Тихо в горнице, слышно только, как возятся ребятишки на печи да ходики тикают. Дед Степан подложил дров, затрещали они, загудело пламя.

– Деда, – подала голос девчушка лет пяти, – Расскажи сказку. Или про бабушку мою старую-престарую, Стешу.

– Да, спи так, неугомонная, – заворчал Степан, – Давеча, бегали вы по сугробам, резвились зайцами, как ты зацепилась-то? Единственный сучок на изгороди нашла. Шубейку порвала, теперь бабушке забота.

– Не знаю, деда, – насупилась малышка.

– И правда, дедушка, ты обещал, – загалдели два брата, – Ну, пожалуйста, Расскажи.

– Только, чур, не перебивать, и не канючить, когда спать кликну, – Степан свернул цигарку, сизый дым поплыл по избе.

– Давно это было, в других веках, можа ещё в самом начале, только эта история из уст в уста передается в нашей семье, – ребятишки зашептались, – Ну, тихо. Жила в крепости, название не скажу, не вспомню просто, мудреное больно, девушка. Звали ее Степанида. Красивая, ты, Таньша, на нее похожа дюже. Коса ниже пояса, что спелой пшеницы цветом, в руку мою толщиной. Глаза неба синего синей. Губы алые, нос курносый немного. Откуда прибилась она к крепости, никто не знал, появилась, сказала, что сирота, лет пятнадцать ей от роду было. А у самой след от веревки на шее, видать, в полон ее взяли, а она убегла. Воевода в семью свою ее принял, как работницу. Стеша по дому у них хлопотала, умелая была девка. Красивая да работающая, как в такую не влюбиться. Оба сына хозяйских, старшой, и малый не отставал. Да и сам воевода на девку глаз положил.

В крепости пленник был, сидел на привязи, под поветью ночевал. Басурманского роду племени, наши предки подобрали его где-то в лесу, заблудился, видать, от своих отбился, одежды богатые, камнями и золотом украшенные. Ну и оставили его на потеху, ребятне да бабами. Он на своем языке балакал чего-то, а они хохотали. Кормили чем негоже, лишь бы с голодухи не помер. Так вот, про Степаниду дальше. И жена воеводина и дочь, Лукерья, взбунтовались, и стали гнать сиротку из дому. Ну-ка, эта пришлая покой и порядок в семье нарушила. Стала мыкаться девка, то одни приютят, а после выгонят, то другие. Так и заселилась к басурманину под поветь. В лес ходила одна, лучше всех грибов да ягод набирала, как дорогу находила обратную, никто не понимал. Леса были дремучие, дремучие. Меняла добычу на хлеба краюху и с пленником делилась. Ребятишкам то зайчонка словит, то бельчонка принесет. Добрая была душа. А товарищ ее басурманскому языку учил. Говорила она на нем плохо, но сумела уразуметь их речи заковыристые.

Сыны воеводины злились на сестру, особенно малой, и все норовил свою зазнобушку подкормить, то кусок зайца принесет, то ребрышки кабаньи. Только люб был Стеше старшой парень, Ярослав. С младшим только дружба была не боле. Прошкой его кликали. Ярик зазывал Стешу погулять, на реку полюбоваться. Только не было у парня помыслов добрых, хотел просто брату дорогу перейти, зная, как тот по сиротке мается. Да и невеста была на примете, отца он пуще побаивался, зная нрав суровый его, он не Прошка, тот неслух был, на своем вечно настаивал.

А крепость та, с дороги была неприметная, коли печей не топили, то и не найти ее вовсе. Только хорошие знакомые воеводы знавали про тайную тропку, ведущую к воротам да если по отводку от большой реки идти, то на третьей излучине и будет поселение, как на ладони.

Приближалась зима, у старухи Ветихи сын пропал по осени, видать, на шатуна наткнулся и не одолел медведя. Холодно стало под поветью, скот по избам разобрали. Пожалела старуха горемычных, уговорила воеводу ей в помощники их отдать, он и согласился, мол, с глаз долой и из сердца вон. Куда басурманину бежать, холода в те времена дюже студены были. Так и перезимовали втроём. Бабка Стешу пристрастила к рукоделию всякому. Лучины не жалела. Холстов наткали вдвоем много, бабы обзавидовались, когда они их на поле в морозы солнечные белить выкладывали. Басурманин тоже помогал, воду таскал, дрова, да и струмент какой для дел бабских делал.

В тепле и сыты были Стеша и товарищ ее. Наступила весна, басурманина опять под поветью посадили на привязи, а на ночь в кандалы его упекали, на повети много было всякого добра, чтобы веревку перерезать. А Степаниду Ветиха не отпустила. Но та, боевая девка была. Не бросала друга, подкармливала, да в дожди и холода, когда утрени были, одежки кой-какие приносила. И по нашенски говорить его научила. А парень-то хорош был собой, высок, волос черный, как воронье крыло. Глаза темные, как агат, сверкнёт взглядом, ровно молнией ударит. Борода отросла жгуче темная, пока у Ветихи был в жильцах, скоблил подбородок ножом, видать не положено еще было по ихнему. Одежка маловата стала ему, так на рукавах потрескалась, какие были мускулы. И веревку он бы мог одной рукой порвать, но не сбегал, как будто что-то держало его. Дочь воеводы влюбилась в него, и не только она, молодые вдовицы тоже засматривались на басурманина, имя у него чудное было, вот сейчас вспомнил, Мехмет, а по-нашему Мишей его звали. Совсем Стешу возненавидела девка злая, за то, что та рядом с ним все время была. Зависть и в те времена к добру не приводила. Подговорила Луша товаров до басурманина охочих изгнать ненавистную девку. Собрали они в узелок украшения, какие получше, и к Ветихе в дом их снесли да в кровать Стешину запрятали, а одно колечко под крыльцо обронили, чтоб дорогу указать на «воровку» Страшнее бабей злобы нет. Чего затихли совсем, ребята? А ли заснули?»

Дед поднялся с лавки, заглянул за штору. Спят родимые, только Таньша глаза изо всех сил таращит.

– Я слушаю, деда, слушаю, – пробормотала девчушка сонным голосом, – Жарко мне здесь, да и Прошка пинается.

– Слезай, тогда, сейчас на тулуп усядемся, я и дальше рассказывать буду, – он подхватил кроху подмышки, снял с печи, устроил на лавке, – Может, к бабушке тебя положить, а я завтра продолжу. Девочка согласно кивнула.

– Дедушка, а что это, ровно молнией ударит, убьет что ли, как козу Нюрку летом, – девчушка взглянула на деда.

– Ну, что ты, милая, это так, для красного словца. Все, спи, давай, неугомонная! – укладывая, чуть прикрикнул он.

Через несколько секунд Таньша мирно засопела. Дед Степан расстелил овчину, под голову валенок сунул и другой полый укутался, глаза закрыл, вроде, как и задремывать стал.

– Так дальше-то, что случилось? – спросила вдруг бабушка.

– Ты чего не спишь, Федосья?

– С тобой разве уснешь, ни в молодости, ни в старости покоя нет. Ты эту сказку и нашим сынам рассказывал, да мне послушать некогда было. Пока всех вас уделаешь, – бабушка села на кровати.

– Так иди ко мне, печка теплая, вечера только девятый час, я тебе повольней представлю продолжение, с подробностями всякими интересными, – дед похлопал по скамье, – Валенки только надень, пол, все одно, студень, сколько не топи избу.

– Что за интересы такие? – хмыкнула бабушка Феня, устраиваясь рядом с мужем, – Давай, говори, охальник престарелый.

– Так на чем я остановился? А, на злобе бабской. Как-то поутру грустно стало Стеше, вроде уж и потеплело, позеленело кругом, летом жарким задышало, и в лес раненько сбегала, сморчков насобираала, перебрала, сушить на нитку повесила. Все одно: тоска съедает ее, пошла она к другу своему невольному. А тот ей в глаза заглядывает, веретеном вокруг вьется, шутки да прибаутки рассказывает, чему у ребятни научился, рассмешить пытается. Стеша после оков ему руки да ноги каким-то зельем мазала, каждое утро, как на работу ходила, чтобы след не болел. Ветиха давно заприметила, как басурманин взглядом жилищу ее охватывает, ровно ласковым меховым одеялом укутывает. И не нравилось ей это, видишь ли, она давно все придумала, как устроить Стешу в их семью окончательно. Старушка была уверена, что сыночек жив, может и помял его медведь, но материнское сердце чуяло, что скоро встренется она со своей кровиночкой. Одно только и радовало, что Степанида взглядов басурманских не замечает, а о воеводине сыночке кручинится. Так сегодня Ветиха и надумала Ярослава пойти в лес, мол, девку пошлю за травкой, какой не хватает для настоя целебного, а ты за ней следом или раньше ступай, на краю поля вдоль реки жди, может ваше дело полюбовное и сладится. Стеша после этого уж точно от нее никуда не денется. Порченную ее никто замуж не возьмет, а Ставр, сын Ветихи, любую просьбу матери уважит. Руки золотые у девки, работница такая позарез нужна. Холсты, что зимой наткали, продала соседкам, да купцу одному заезжему, много выгоды поимела. Скоро новый дом надо ладить, этот-то почти по крышу под землю ушел, порог проваливал после паводка. Вроде и зла не желала старуха девушке, а получалось все не по-доброму.

Вертелся Миша около Стешеньки, а она все одно кручинится. Мысли затуманили голову. Никак не выходил у нее из думок: разговор воеводы с ратником, помощником его первостатейным, о свадьбе сына старшего и дочери служивого. Воистину – поле глазасто, а лес ушаст. Ярослав все ее обхаживал, но о будущем никогда и речи не было. И встречи то все тайные были, ровно скрыть он хотел их любовь. Такая вот тяга была на сердце у девушки. И беду будто чуяла, что недоброе случится нынче, впереди опять ей казалась дорога дальняя.

Лукерья рано что-то встала, и увидела картину, как пришлая ноги ее будущему полюбовнику трет. Ноздри у нее раздулись, только лишь огонь из них не полыхнул. Нарядилась в сарафан, куска хлеба не съела, заголосила, запричитала. К маменьке в руки тычется, мол, пропало любимое колечко, да бусики красненькие, все вчера перерыла в своей горнице. А мать и сама хватилась, обруча свадебного, головного нигде найти не может. Вот-вот на пороге сваты появятся, а дочь без убора останется. Лушка хитрющая была, немного раньше младшенькую сестренку Аришку попросила поискать колечко-то, да и к Ветихе ее за настоем отправила. Знала, зараза эдакая, что девчонка глазастая да юркая, как мышка полевая, что не попросишь, вмиг сыщет. Воевода слышит вой бабий, поискал Прошку, чтоб тот спросил, что там за причитания с подвыванием. Но Лукерья и с братом тоже быстро рассчиталась, в погребок его послала за грибочками к обеду, да и закрыла там, зная, что Прошка ее быстро на чистую воду выведет, на защиту зазнобы своей коршуном метнется. Отец-то не сразу ее задумки разгадает. Хоть и не раз ее по голяку прутом охаживал за проделки, но любил, дите же она его была.

– Вот и вправду, какая девка – зараза! – вставила словечко жена, – Может, хоть воевода с мозгами окажется, осадит свою беспутницу.

– Фенюшка, не перебивай меня, а то перепутаю кисло с пресным, – дед Степан встал, – Дров подкину, чую, засидимся мы тут. Да свечу запалю, что зря электричество жечь. Вот я, старый совсем становлюсь, перепутал дровишки-то. Знать, сосновых полешек набрал, звонких, поющих.

– Хватит ворчать, продолжай скорее.

– Ну-ну, осади, не гони, – старик уселся, закурил самокрутку.

– Пришлось воеводе самому до девичьей топать. А там слезы потоками, баба его к нему метнулась, пустым платом перед носом трусит, голосит: «Вор у нас в крепости объявился, в

каком затрапезном виде дочь замуж отдавать будем, срам-то какой. В этом обруче еще ее прабабка солнышку кланялась да в верности мужу клялась» Ну, воевода во двор, давай народ кликать на вече, не больно те торопились, время дневной трапезы и отдыха после оной приступило. Но все, же и вдовицы и какие от службы свободные ратники, набрался народец-то. Воевода поклонился, извинения попросил за тревогу, и рассказал, что за беда случилась. Вдовицы, Лушкой подговоренные, нарочито ахнули и в свои избы сбежали. И оттуда уж тоже воючи, возвернулись, с пустыми платами. Аришка, быстроногая и шустрая, подоспела, Лушке в руку сует колечко. «На, возьми, под ступенькой нашла, у бабки Ветихи» – и убежать бы, да сестрица за руку крепко держит, ровно приковала.

– Вот, батюшка, нашлось, – Лукерья выдвигает на передний план малую, – Давай, скажи, где сыскала пропажу?

– Под крыльцо у бабки Ветихи закатилось. Сама, поди, и обронила его там, – Арише не хотелось, чтобы Стеша была виновная, – Ай, ай, больно. Лушка дернула девочку за косу и оттолкнула в сторону. Подружайки тут же подхватились, и давай мужиков науськивать, чтобы обыск был учинен в избе, где пришлая проживает. Им, воеводе и его сотоварищам, галдеж бабий быстро надоел, сказав, чтобы они на месте были, ушли к дому бабки. Ветиха со своей жиличкой трапезничали, Стеша свежей травы набрала, яиц перепелки где-то сыскала. Красота, сидят вдвоем на лужке у крыльца, покосившегося, из деревянной плошки суп таскают да коркой хлеба прикусывают. Такую картинку и нарушить, воеводе было жаль, да делать нечего, службу надо нести. Ветиха-то слышала шум, никак не могла подумать, что их это касается. Ратники избу обыскали и выносят узелок, а там украшения завязаны. Стеша тут же его вспомнила, ведь еще утром хотела спросить, откуда он взялся, да старуха ее кликнула. И только прошептала: «Это не мое», как из кустов выскочила Лукерья и заголосила: « Знамо, что не твое, а наше. Что, батюшка, так поглядываете, вести ее надо к позорному столбу. Пусть винится пред всем людом» Ну и покатила, задравши нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.